

Другов А.Ю.
д.полит.н., ИВ РАН

ИНДОНЕЗИЯ В 2005 Г.: ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ

Предположение, что 2005 г. завершит переходный период от военно-авторитарного режима, павшего в 1998 г., к «самовоспроизводящемуся», достаточно упроченному, более демократическому режиму, если и оправдались, то лишь частично. В качестве несомненных достижений пришедшего к власти в конце 2004 г. правительства президента С.Б.Юдхойоно можно отметить известное снижение религиозно-этнической напряженности в горячих точках (Молукки, Калимантан, Сулавеси, Папуа), прекращение боевых действий в Ачехе – об этом последнем событии подробнее будет сказано ниже.

Экономическое развитие в целом продолжалось на той основе, которая была заложена в период президентства М.Сукарнопутри, и примерно в тех же параметрах. Ниже приводятся некоторые показатели за 5 лет (1).

	2001	2002	2003	2004	2005
Экономически рост (%)	3,44	3,66	4,0	5,13	5,50
Курс рупии (тыс. за 1 US\$)	10,3	9,3	8,6	8,9	9,7
Полн.безработных (млн.)	8,0	9,1	9,5	10,2	10,2
Уровень инфляции (%)	11,5	11,8	6,8	6,1	18,3

Рост мировых цен на нефть сыграл весьма отрицательную роль в экономическом развитии Индонезии, учитывая, что страна незадолго до этого превратилась в нетто-импортера нефти и нефтепродуктов и, по словам министра госпредприятий Сугихарто, вновь станет нетто-экспортером не ранее 2010 г. при условии повышения добычи примерно на 30% (2). Уже в 2004 г. субсидирование внутренних цен на нефтепродукты (бензин, бытовой керосин, дизель-

ное топливо) потребовало выделить из бюджета 59,2 трлн. рупий. Правительство решило в 2005 г. снизить эту сумму до 19 трлн., обещая направить часть сэкономленных средств на дотации «недостаточным слоям». В связи с этим прогнозировался рост цен на нефтепродукты в среднем на 29%. Фактический рост был существенно выше, в особенности, после второго повышения в конце октября, когда цены на керосин, основной вид топлива в домашних хозяйствах, поднялись на 187,5%, а на бензин – на 87% (3). Однако, размах протестов против этой меры оказался ниже, чем ожидалось, возможно, потому что оппозиция, в первую очередь, Демократическая партия Индонезии (борющаяся) как основной оппонент правительства делала то же самое, когда ее лидер М.Сукарнопутри находилась у власти.

Острой остается проблема безработицы. Для ее решения требуется создание новых рабочих мест, повышение привлекательности страны для инвесторов. Это становится оправданием для ликвидации некоторых льгот, которых трудящиеся добились после 1998 г., что становится источником социальной напряженности. Существенный рост капиталовложений в 2005 г. (в общей сложности было выдано иностранным и местным вкладчикам лицензий на 11,7 млрд. долл.) свидетельствует о том, что правительство в целом достигло поставленной цели, но эти инвестиции еще не превратились в рабочие места. В целом можно согласиться с оценками тех индонезийских аналитиков, которые считают, что, добившись улучшения некоторых макроэкономических показателей (правда, и здесь рост был достигнут главным образом за счет сектора услуг, а не реального производства), правительство не сумело предотвратить снижение жизненного уровня населения.

Пока нельзя с полной определенностью сказать, дал ли переход к прямым выборам президента и вице-президента те далеко идущие положительные результаты, которых от него ожидали. Генерал С.Б.Юдхойоно на президентских выборах 2004 г. получил 61% голосов избирателей, и, таким образом, казалось бы, ему и вице-президенту Ю.Калла был вручен неоспоримый мандат на

управление государством. На деле собственная партия президента – Партия демократов – имеет в парламенте лишь 7% мест, зато у партии Голкар, которую в конце 2004 г. возглавил Калла, самая крупная фракция - более 20% мандатов. При весьма существенном разрастании полномочий парламента в последние годы президент оказался в известной зависимости от второго лица в государстве.

Поведение Ю.Калла позволяет предположить, что он склонен вести "собственную игру" в правящем тандеме. Он по-своему знаковая фигура: впервые в индонезийской истории вторым лицом в государстве стал человек, представляющий крупный бизнес. В прессе идут разговоры, что Калла оказывает большее влияние на деятельность кабинета, чем глава государства, и не всегда согласовывает с ним свои выступления по принципиальным вопросам. Насколько можно судить, Ю.Калла намерен добиваться дальнейшего усиления роли Голкара. По его словам, Голкар не желает находиться вдали от власти, а государство нуждается в здоровых партиях. Он призвал отменить законы, запрещающие госслужащим вступать в политические партии (4), явно рассчитывая, что это пойдет на пользу прежде всего Голкару, отличающемуся от прочих партий, как это отмечают многие, более высокой дисциплиной и организованностью. Есть фактор, который может иметь решающее значение: Ю.Калла родился в 1942 г., и если на выборах в 2009 г. он еще имеет шансы возглавить страну, то в 2014 г. ему будет 72 года и такая вероятность станет значительно меньше. Другое дело, что вся эта кампания может иметь подспудной целью компрометацию Ю.Калла, особенно, слухи о его чрезмерном вмешательстве в деятельность экономического блока кабинета, который подвергался в 2005 г. острой критике за недостаточную эффективность.

Кабинет, сформированный президентом в конце 2004 г., его сторонники назвали «радужным», а противники «сборным салатом», поскольку глава государства был вынужден по возможности удовлетворить требования поддерживавших его партий, предоставив им посты в правительстве. Это естественно

привело к разнобою в деятельности министров, в том числе и в экономическом блоке. Сообщалось, в частности, о разногласиях между министрами торговли и сельского хозяйства по такому ключевому вопросу, как целесообразность импорта риса (5). В конце 2005 г. президент произвел существенные перестановки в этом блоке.

Одна из сложных проблем не только правительства, но и всего индонезийского общества, заключается в разобщенности, групповщине, по-прежнему разъедающей политическую элиту. Сохраняется не только атмосфера межпартийной борьбы, что, в общем-то, естественно, но и отсутствие единства в самих партиях. Видный индонезийский политолог Ювоно Сударсоно, ныне занимающий пост министра обороны, указывал, что никому из лидеров политических партий не удалось превратить их в механизм демократии. Бесчисленные случаи исключения членов руководящих органов крупнейших партий в течение последних семи лет свидетельствуют о том, что консолидация в их рядах так и не наступила. Еще хуже то, что, как показало проведенное в начале 2005 г. расследование, в период 2001-2004 гг. партии и парламент были наиболее коррумпированными институтами в государстве. Такие понятия, как «демократия», «верховенство гражданской власти» и «контроль над армией» будут, предупреждает Ювоно Сударсоно, реально восприниматься лишь если партии подтвердят их своей конкретной повседневной работой (6). Даже в собственной партии президента – Партии демократов – с середины 2004 г. существовал раскол, впоследствии усугубившийся недовольством партийных боссов тем, что ПД получила только три места в кабинете (7). В этих условиях президент отклонил предложение стать генеральным председателем партии, сославшись на необходимость сосредоточиться на управлении страной (8).

Аналитик Д.Спарингга из сурабайского университета Эрлангга пишет, что большинство партий лишены идеологии, которая скрепляла бы их воедино. «Есть лишь несколько экзальтированных личностей, обративших партии в свою

собственность, использующих положение в них, чтобы получить пост в правительстве или просто для наживы» (9).

Это обстоятельство в первом приближении на руку исполнительной власти: даже в условиях усиления функций парламента правительство имеет возможность заключать сделки с лидерами партий и фракций, которые не всегда считают себя связанными мнением партийных масс и избирателей. Примером может служить тот же Голкар, который в 2004 г. получил свои места в парламенте, выступая в блоке с ДПИБ против С.Б.Юджойно. С приходом же к его руководству Ю.Калла голкаровская фракция в парламенте стала опорой правительства.

Но в более широком смысле этот феномен означает, что в стране слаба инфраструктура, необходимая для демократизации или хотя бы постепенной модернизации отношений между обществом и гражданином, с одной стороны, и властью, с другой. Частным, но характерным примером торможения этого процесса служит судьба принятого после длительной политической борьбы в октябре 2004 г. Закона об установлении истины и примирении. Смысл закона заключается в реабилитации лиц, пострадавших от репрессивного военного режима генерала Сухарто. Но даже в начале 2006 г. предусмотренная этим законом комиссия в нарушение установленных сроков не была сформирована. По словам министра юстиции и по правам человека Хаида Авалуддина, это вызвано, в частности, позицией президента, который, считая этот вопрос чрезвычайно чувствительным, проявляет крайнюю осторожность при подборе членов комиссии. Вице-президент Ю.Калла вообще полагает, что вопрос о комиссии не является срочным, да и сама эта комиссия вряд ли нужна. Опрос, проведенный газетой «Компас», показал, что только 46,3% респондентов верят в успех работы этой комиссии, а 48,5% настроены пессимистически (10). А вместе с тем, именно здесь обнаруживается пробный камень искренности власти в подходе к вопросам демократии и преодоления наследия репрессивного режима. Незаконные ссылки и казни сопровождали «новый порядок» на всем протяже-

нии его существования, их прямыми жертвами стали миллионы людей. Раскрытие подлинных причин событий этого периода, возможно, послужило бы делегитимизации репрессивного режима, чего, по-видимому, хотят далеко не все его преемники.

Приведенное выше высказывание Ю.Сударсоно о неэффективности партийных структур тем более примечательно, что еще во времена Сухарто он, гражданский ученый, указывал, что в условиях слабости гражданского общества, политических партий армия призвана брать на себе несвойственные ей политические функции. С этих же позиций он, похоже, выступает и ныне и, судя по всему, у него есть влиятельные единомышленники.

В апреле 2005 г. правительство разрешило военнослужащим баллотироваться на посты глав провинций и районов (кабупатенов) при условии временного ухода с действительной военной службы. В этой связи высказывались обоснованные опасения, что это ограничение является в значительной мере формальным. Привычное отношение к кандидатам в погонах как к начальникам, кастовая солидарность будут неизбежно превалировать в умах их подчиненных и коллег и таким образом обеспечивать им реальную фактическую поддержку военных структур. В известном смысле это способствует возвращению военных в практическую политику. Заслуживает внимание тот факт, что среди населения растет процент лиц, выступающих за возрождение самостоятельной политической роли армии: если в 1999 г. эту идею поддерживали 13% опрошенных, в 2001 г. – 23%, а в 2005 г. – 25%, то в 2006 г. уже 36% (11).

Эта тенденция представляет собой одну из двух альтернатив. Вторая просматривается в сохраняющей свою остроту и актуальность проблеме исламизации жизни индонезийского общества. В предыдущие годы попытки радикальных исламистов законодательно ввести обязательное исполнение шариата на национальном уровне неизменно оканчивались неудачей. В настоящее время в национальном масштабе исламское право действует для мусульман лишь в области семейных отношений, регулируя браки, разводы, усыновления, отноше-

ния собственности и т.п. Однако в условиях расширения в последние годы самостоятельности регионов – провинций и, в особенности, кабупатенов, административных единиц второго уровня – там нормы исламского права вводятся *de facto*. В ряде случаев воинствующие исламисты силой навязывают свои порядки населению, опираясь на толпы фанатиков, с которыми не может, а иногда не хочет справиться полиция. У этой «ползучей исламизации» есть свои социальные и политические корни: растущее имущественное неравенство, слабость и дискредитация государственной власти и, в частности, правоохранительных органов, разобщенность в политических партиях, всепобеждающая и всеразьедающая коррупция. Правительство С.Б.Юдхойоно ведет борьбу с этим злом, и в мае 2005 г. была создана соответствующая комиссия из представителей прокуратуры, полиции и аудиторских органов с широкими полномочиями. Как сообщил президент в конце мая 2005 г., 37 должностных лиц, включая губернаторов, мэров городов и парламентариев, находились под судом и следствием за лихоимство (12). В декабре 2005 г. по обвинению в коррупции был приговорен к семи годам тюрьмы бывший председатель Центральной избирательной комиссии. Но до реальных успехов еще далеко, о чем говорит хотя бы тот факт, что даже вице-президента пресса обвиняет в том, что он не всегда умеет «преодолеть конфликт между деловыми интересами семейства Калла и прерогативами второго лица в государстве» (13).

Правительство всерьез обеспокоено процессами исламизации, тем более, что радикалы усиливают свои позиции и в крупнейших мусульманских организациях. В начале 2005 г. умеренный лидер просветительской организации Мухамадья Ахмад Шафии Маариф уступил свое место Дину Шамсуддину, который ранее в качестве генерального секретаря Совета улемов Индонезии зарекомендовал себя как ярый противник либеральных течений и плюрализма в исламе. Надо заметить, что наиболее жесткие позиции в подходе к исламским радикалам занимает не глава государства, а вице-президент Ю.Калла. В ноябре 2005 г. он заявил, что правительство примет твердые меры против радикально-

го исламизма вплоть до закрытия тех мусульманских школ-интернатов (песантренов), которые будут уличены в антиконституционной деятельности. Он привел пример одной из таких школ, где ученикам было запрещено приветствовать национальный флаг. «Придется вести борьбу на двух фронтах – физическом с привлечением полиции и идеологическом с участием мусульманского духовенства», заявил Калла, мусульманин по вероисповеданию. Он же предложил отбирать отпечатки пальцев у всех учащихся песантренов (ныне в Индонезии насчитывается около 15000 таких школ с 3,5 млн. учеников в возрасте от 7 до 18 лет) (14).

Вместе с тем, террористическая угроза побуждает лидеров основных мусульманских группировок к консолидации на умеренных позициях. Вопрос лишь в том, сколь реальна их способность контролировать поведение и настроения низов, радикализирующихся вследствие факторов, лежащих по преимуществу вне поля богословских дискуссий. Впрочем, и в этом поле идет постоянная борьба между ортодоксальными мусульманами и сторонниками плюрализма и либерализации исламской доктрины. Весьма четко эти разногласия нашли отражение в интервью Маруфа Амина, председателя Комиссии по фетвам Совета улемов Индонезии и руководителя группы по противодействию терроризму. Либералы, говорит он, считают, что религия должна ограничиваться вопросами веры, а социальные вопросы, проблемы жизни общества должны быть предметом публичного обсуждения. На самом же деле ислам охватывает все аспекты, включая экономику, политику и пр. Внутри самого ислама М.Амин считает либерализм и плюрализм крайне левыми течениями, поскольку они отклоняются от установленного богословами правила, что тексты Корана не подлежат интерпретации. Если такой текст вступает в противоречие с общепринятой точкой зрения, то по мнению либералов последняя имеет приоритет, а богословы считают, что от нее следует отказаться. Либералы полагают, что некоторые аяты Корана не соответствуют нынешней ситуации и должны быть исправлены, тогда как Коран нельзя исправлять. И, наконец, либералы

считают Коран продуктом человеческой культуры, а не божественным откровением (15). Эта дискуссия по сути своей далеко выходит за богословские рамки и фактически затрагивает судьбы демократизации в Индонезии.

Понимая, какую опасность несет в себе исламизация для дальнейшего развития страны, президент С.Б.Юдхойоно в то же время видит и внешние факторы, способствующие гипертрофированному развитию религиозного чувства. Еще 7 сентября 2004 г., в речи на открытии Института Абдурахмана Вахида, он говорил: «Запад должен сознавать, в каком незавидном положении находятся сейчас многие мусульмане в мире, понимать недовольство и гнев этих людей, многие из которых страдают от несправедливости, унижительной бедности и насилия. Западный мир должен признать, что многие мусульмане чувствуют себя маргиналами и у себя дома, и в мировых делах». Президент напомнил, что среди 20 крупнейших экономик мира нет ни одной мусульманской страны, а из 50 только 9; из 20 стран с наибольшим объемом внешней торговли также ни одной, а из 50 – пять (16).

В этом контексте особое значение приобретает положение в Ачехе, несмотря на, казалось бы, несомненные успехи в ее урегулировании. Переговоры с руководителями сепаратистов, находившимися в эмиграции, продолжались в течение ряда лет, шли трудно и не всегда встречали понимание в самой Индонезии. В апреле 2005 г. несколько депутатов парламента призвали прекратить переговоры, проходившие в Хельсинки, ввиду их бесплодности. Характерно, что этот демарш, продиктованный соображениями межгрупповой борьбы, вызвал отрицательную реакцию в самом Ачехе, где ряд общественных деятелей выступил с протестом против этой инициативы, указывая, что переговоры суть единственный путь справедливого и достойного решения проблемы Ачеха. В начале июня руководство парламента направило письмо президенту, призывая его прекратить переговоры с сепаратистами. Вице-президент Ю.Калла от имени правительства заявил, что переговоры будут продолжены (17). Что касается армейских кругов, то можно предположить наличие там

серьезных настроений против мирного процесса, но во всяком случае президенту в целом удалось их купировать.

15 августа в Хельсинки были достигнуты соглашения между центральным правительством и лидерами ачехских сепаратистов о прекращении военных действий. При этом повстанцы обязались отказаться от требования независимости для территории и сдать имеющееся оружие, имевшееся у отрядов Движения за свободный Ачех (ДСА). Правительство со своей стороны обязалось предоставить провинции статус особой автономии. Готовность мятежников отказаться от их главного требования – государственной независимости, на наш взгляд, диктовалась двумя главными обстоятельствами. Свою роль сыграла усталость ачехцев от десятилетий войны, лишений и произвола, творимого и войсками центрального правительства, и партизанами ДСА. Но просматривается и воздействие последствий разрушительного цунами 2004 г.: без поддержки центра Ачеху не удалось бы их преодолеть. Договоренности по Ачеху были необходимым и, вероятно, единственным выходом из положения, сложившегося к концу 2004 г. Но до реального урегулирования еще далеко, хотя бы потому, что остаются расхождения между позициями ачехской элиты и принципами, которые должны быть положены в основу самоуправления в Ачехе с учетом общенациональных интересов. Трудно поддаются согласованию и пределы расхождения между нормами права, действующими в Ачеже, и общегосударственными законами, общепризнанными правами человека. Так, разрешение ввести в этой провинции в полном объеме законы шариата, данное президентом А.Вахидом в 1999 г. и подтвержденное М.Сукарнопутри в 2001 г., вылилось, в частности, в публичные порки мужчин и женщин, уличенных в преступлениях перед мусульманскими законами. Характерно, что 8 марта 2006 г. в Ачехе, как и в Джакарте, прошли демонстрации женщин, протестовавших против дискриминации по признаку пола в рамках шариатского права.

При выработке закона об особой автономии для Ачеха в центральном парламенте столкнулись два проекта: правительственный и подготовленный в

самой провинции. Многие фракции считают, что чрезмерные права, которые требует для себя Ачех, нарушают конституцию страны и помимо того будут иметь весьма отрицательный демонстрационный эффект. Дело прежде всего в том, что, как известно, сепаратистские тенденции, в том числе и с исламистской окраской, в той или иной степени существуют в целом ряде провинций. Наряду с этим можно ожидать, что даже остров Бали с его индуистской культурой и индуистским большинством населения потребует для себя такой же религиозно-культурной автономии, чтобы отгородиться, в том числе и экономически, от мусульманской по преимуществу Явы и избежать ущерба, который «ползучая исламизация» может нанести туристическому бизнесу.

Со своей стороны ачехцы недовольны тем, что правительственный законопроект не содержит ряда согласованных ранее положений, в частности, о распределении доходов и об отчислениях из центрального бюджета в пользу Ачеха (18).

Соглашения по Ачеху, возможно, стали катализатором процесса формирования оппозиции из числа «бывших» политиков. В сентябре 2005 г. в доме бывшего лидера Голкара и бывшего же спикера парламента Акбара Танджунга состоялась встреча с участием бывших президентов А.Вахида и М.Сукарнопутри и бывшего министра обороны и главкома вооруженных сил генерала Виранто. Неделями позже они, а также бывший при Сухарто вице-президентом генерал Три Сутрисно, объявили о создании движения «Родина возродится единой» («Nusantara Bangkit Bersatu»). Они, в частности, от имени народа отвергли повышение цен на нефтепродукты (19). Первого октября группа отставных генералов, занимавших видные посты во времена Сухарто, и ряд гражданских политиков, в том числе близкий к М.Сукарнопутри видный экономист Квик Киан Ги, провели в Джакарте встречу на тему «Спасти нацию». Жизнь покажет, является ли это всего лишь "ворчанием бывших" или некая консолидация сил светской оппозиции. Генерал Три Сутрисно, кроме

всего прочего, возглавляет Союз отставных военнослужащих Республики Индонезии – весьма влиятельную организацию.

Примечательны тенденции, обозначившиеся во внешнеполитическом курсе правительства. Выступая 19 августа 2005 г. по случаю 60-летия МИД Индонезии, президент высказал несколько важных положений концептуального характера. Он сказал, что у Индонезии есть три выбора в современном изменяющемся мире: стать объектом изменений, следовать за изменениями или возглавить этот процесс. С.Б.Юдхойоно указал, что Индонезия должна не просто следовать за переменами, но, как учили президент Сукарно и другие индонезийские руководители, в определенных случаях занимать лидирующее положение на международной арене. По его мнению, внешняя политика страны должна зиждиться на четырех главных принципах: конструктивность подходов, самобытность в современном мире, национализм и отказ от военных союзов с другими странами. Индонезия должна играть более активную роль в региональных и международных форумах, таких, как АСЕАН, Восточноазиатский саммит, Организация исламская конференция, Азиатско-африканская конференция и ООН. Отметив, что мир управляется такими «универсальными нормами» как капитализм, демократия, права человека, верховенство закона, сохранение окружающей среды, «новый суверенитет», когда одни страны вправе вмешиваться в дела других государств по проблемам прав человека, а также наличие в мире одной сверхдержавы, президент заявил, что Индонезия должна понимать, но не обязана принимать все перечисленное. «Если мы говорим, что проводим свободную и независимую внешнюю политику, то нам нужно иметь независимые суждения и свободу выбора» (20).

Отметим два обстоятельства. Первое: среди концепций, неприемлемых для современной Индонезии, упоминается идея «нового суверенитета», иначе говоря, право иностранных держав (читай: США) на вмешательство в дела других государств вплоть до применения силы. У индонезийского лидера есть все основания скептически относиться к лозунгу демократии и прав человека, ис-

пользуемому в качестве основы «нового суверенитета». Он, как и все индонезийцы, знает, что спецслужбы США снабжали индонезийскую военную верхушку информацией о левых силах в период правого террора 1965-1967 гг., и именно президент США Дж.Форд и госсекретарь Г.Киссинджер прямо толкнули индонезийское правительство на аннексию Восточного Тимора с последовавшими за ней массовыми репрессиями. Второе: обращение к имени и идеям Сукарно, которое представляется неслучайным. Мероприятия, прошедшие в Индонезии в апреле 2005 г. в ознаменование 50-летия конференции стран Азии и Африки в Бандунге (а именно Сукарно был одним из главных архитекторов этого форума), показали, что индонезийский руководитель ведет дело к превращению своей страны в одного из лидеров азиатско-африканского мира.

В качестве одного из двух сопредседателей конференции в верхах в связи с 50-летием Бандунга в апреле 2005 г., президент С.Б.Юдхойоно говорил: «В 1955 г. руководители стран Азии и Африки собрались, чтобы выступить против угнетения. Ныне нам приходится бороться за то, чтобы обрести собственное достоинство в качестве независимых людей». Среди препятствий на этом пути он обозначил нищету, болезни, низкий уровень и качество жизни, урон, наносимый окружающей среде, терроризм, транснациональную преступность, коррупцию (21). В этом контексте важно проследить развитие отношений правительства С.Б.Юдхойоно с Западом, прежде всего с США. Заинтересованность Индонезии в таких отношениях, в первую очередь, в плане привлечения иностранных инвестиций и возобновления в полном объеме американской военной помощи была самоочевидна. Со своей стороны американская администрация всячески демонстрировала свой интерес к развитию связей с Индонезией. Ее представители безудержно расхваливали правительство Индонезии за его мнимые и реальные успехи в деле демократизации страны. В марте 2005 г. заместитель помощника госсекретаря США по вопросам Восточной Азии и Тихого океана М.Хухтала, выступая перед комитетом по иностранным делам Конгресса США, назвала Индонезию третьей после Индии и США крупнейшей демо-

кратией мира (22). В декабре 2005 г. госсекретарь США К.Райс, выступая в Heritage Foundation, весьма высоко оценила приверженность правительства Индонезии реформам и, явно упреждая события, сказала, что мусульманская Индонезия служит примером того, как могут сосуществовать ислам и демократия. Самого же президента она упомянула в качестве примера того, как офицеры, получившие образование в США, становятся более открытыми в том, что касается Америки, и менее склонны всерьез воспринимать карикатуры и стереотипы, связанные с Америкой (23). Неизвестно, был ли С.Б.Юдхойоно благодарен ей за эту сомнительную в глазах его соотечественников похвалу. Этот случай, наш взгляд, демонстрирует врожденную неспособность американской дипломатии даже представить себе, что у кого-то могут быть другие взгляды и ценности. Во время визита С.Б.Юдхойоно в США в мае 2005 г. с американской стороны тоже не было недостатка в похвалах в адрес Индонезии и лично ее президента. Дж.Буш заявил, что в Соединенных «верят в проводимые в Индонезии реформы в вооруженных силах и поддерживают их». Он сказал, что именно благодаря руководству С.Б. Юдхойоно Индонезия смогла выйти из кризиса (24). Известный американский индонезиевед У.Лиддл в это время писал: «С.Б.Юдхойоно рассматривается в США как опытный политик, десятилетиями находившийся на военной службе, а ныне демонстрирующий понимание, что Индонезия тоже вовлечена в борьбу с терроризмом. Отсюда возникает основа для сотрудничества между США и Индонезией» (25). Сюда можно было бы добавить расчет Вашингтона на партнерство с Джакартой в противостоянии бурно растущему весу и влиянию Китая в регионе Юго-Восточной Азии.

В начале 2005 г. была возобновлена программа подготовки в США кадров для индонезийских вооруженных сил по военным и гражданским специальностям. Однако эмбарго на поставки военной техники в тот период снято не было, за исключением ограниченного числа ее видов (в частности, запчастей к транспортным самолетам С-130). Ранее все виды американской военной помощи были заморожены Конгрессом США после разоблачения нарушений прав челове-

ка индонезийской армией в Восточном Тиморе и убийства двух американцев в Папуа. В полном объеме военно-техническое сотрудничество между США и Индонезией было восстановлено в ноябре 2005 г., вероятно, не без влияния активизации индонезийско-российских контактов в этой области.

С.Б.Юдхойоно ощущает необходимость участия в международном сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом, действовавшим и на территории Индонезии. В то же время он, как представляется, всемерно стремится избежать интернационализации внутренних индонезийских проблем, связанных с исламизмом и терроризмом, понимая, что любое сотрудничество правительства с США в этой области лишь усилит позиции радикалов и экстремистов. Выступая в национальном клубе печати в Токио в начале июня 2005 г., президент заявил, что нет фактических доказательств наличия связей между исламскими радикалами в Индонезии и группировкой Аль-Каида. Он отрицал также существование связей между индонезийскими исламистами с аналогичными движениями в Южном Таиланде, Малайзии и на Филиппинах (26).

Президент учитывает антиамериканские настроения, глубоко укоренившиеся в индонезийском обществе в целом и в индонезийской армии, в частности. Еще в начале 2005 г., в разгар операций по преодолению последствий цунами, начальник Государственного разведывательного управления Индонезии генерал Шамсир Сирегар заявил в интервью ведущей сингапурской газете «Стрейтс Таймс» (26.01.2005): «Американцы пришли сюда, чтобы оказать нам самую серьезную помощь. Но у них есть и другие интересы. Они, в частности, хотят контролировать положение в Малаккском проливе, жизненно важной артерии мировой торговли. Это относится и к австралийцам... Мы благодарны им за их помощь. Но мы должны постоянно знать, что они делают находясь в Ачехе». Газета указывала в этой связи, что это недоверие отчасти порождено историческим опытом - поддержкой, которую США оказывали антиправительственным сепаратистским движениям в Индонезии (на Ю.Сулавеси и на Суматре) в 1950-х гг. В Индонезии широко распространилось убеждение, что, оказывая

помощь в преодолении последствий цунами, американцы готовят почву для создания своей военной базы в Ачехе, и заместитель министра обороны США Пол Вулфовиц вынужден был официально опровергать эти сообщения (27).

Заявления президента Индонезии во время и непосредственно после визита в США показывают, что у него есть свои взгляды на роль и место США и Индонезии в мировой политике. Выступая в Америке 25 мая 2005 г. в Обществе связей между США и Индонезией на тему «Индонезия и США в меняющемся мире», президент говорил: «Огромная мощь Америки есть источник безопасности для одних и отсутствие безопасности для других», подчеркнув, что в общении с внешним миром Соединенные Штаты должны делать упор не только на принципы свободы и демократии, но и на терпимость. «Именно терпимость делает нас свободными, через терпимость мы придем к подлинному миру, терпимость защищает свободу, обуздывает разногласия и движет прогрессом» (28). Примечательно, что он здесь почти повторяет мысль Сукарно, который во время визита в США в 1956 г. пытался убедить американскую элиту в том, что мир многообразен и что «в международных делах прямая линия может привести прямо в разрушительный центр атомного взрыва» (29).

Не менее интересно выступление С.Б.Юдхойоно в Ханое, куда он отправился прямо из США: «Хорошо помню, что в бытность мою молодым офицером индонезийской армии (он получил лейтенантские погоны в 1973 г., т.е. в разгар агрессии США против Вьетнама - А.Д.) я с восхищением читал об ожесточенной борьбе и о военных победах вьетнамского народа. Вьетнам подтвердил ту истину, что самое важное достояние нации есть ее дух, ее борцовский дух. Ныне же мы видим, как этот дух трансформируется и используется в совсем других начинаниях – в экономическом развитии» (30).

В апелляции к феномену борцовского духа вновь звучат сукарновские мотивы, но, отмечая это обстоятельство, нужно видеть фундаментальное различие между положением в мире в середине XX века и сейчас: в отличие от Сукарно, нынешний президент Индонезии не имеет возможности играть на противостоя-

нии двух равновеликих блоков, при всем своем очевидном неприятии однополярного мира и оскорбительно мессианского поведения американской дипломатии по отношению к практически всем странам. Но было бы неправильно и не учитывать в полной мере этих настроений при анализе внешней политики Индонезии и ее перспектив. При любом режиме в политике этой страны будет в самой высокой степени присутствовать фактор неприятия любых форм давления или диктата. Можно предположить также, что обращение к фигуре Сукарно есть способ стимулировать рост идей светского национализма в противовес исламизму, в котором также присутствует существенный националистический элемент.

Существенные подвижки в развитии технического и военно-технического сотрудничества между Индонезией и Россией вполне укладываются в рамки обозначенных тенденций. Была создана специальная межправительственная комиссия по этим вопросам. В сентябре 2005 г. Россию посетила индонезийская военная делегация во главе с начальником Главного управления Министерства обороны по закупкам военной техники маршалом авиации Питером Ваттимена. Было достигнуто соглашение об упрощении расчетов по будущим сделкам, включая поставки из России 12 самолетов Су различных модификаций и других видов техники. Обсуждались также вопросы о передаче российского ноу-хау и производстве в Индонезии вооружений по российским лицензиям. Индонезийская сторона высказала также заинтересованность в приобретении бронетранспортеров, боевых машин пехоты, легких фрегатов, дизельных подводных лодок, крылатых ракет корабельного базирования. Как заявил П.Ваттимена, Россия может стать альтернативным поставщиком вооружений и военной техники для индонезийских вооруженных сил. В конце 2005 г. начались переговоры о создании в Индонезии на острове Биак у северного побережья Новой Гвинеи российской базы для воздушных запусков космических ракет (31). В то же время следует исходить из того, что развитие этого сотрудничества останется предме-

том серьезной политической борьбы внутри Индонезии и внешнего вмешательства.

В 2005 г. вновь обострилась территориальная проблема между Индонезией и Малайзией, на этот раз вокруг острова Амбалат в северной части моря Сулавеси. Причиной конфликта стало заключение малайзийской нефтяной компанией Petronas контракта с Royal Dutch Shell на поиски нефти у северного побережья Калимантана. Антималайзийская кампания в какой-то момент достигла в Индонезии такого накала, что первая комиссия парламента (оборона и безопасность) потребовала от министерства обороны защитить целостность страны любой ценой вплоть до обстрела малайзийских военных кораблей в этом районе. Президент, занимая в целом сдержанные позиции, дал понять, что о территориальных уступках не может быть и речи (32). Он помнил, что его предшественнице дорого обошлось проигранное в Международном суде дело о принадлежности двух островков – Сипадан и Лигитан – которые отошли к Малайзии. Насколько можно судить, ни одна из сторон не заинтересована в обострении подобных конфликтов и сознательно на него не пойдет, если только в силу каких-то причин события не выйдут из-под контроля, например, если территориальная проблема превратится в предмет внутривнутриполитической борьбы с вовлечением масс. В Индонезии нечто похожее в 2005 г. намечалось под лозунгом «Сокрушить Малайзию», звучавшим при Сукарно в 1963 г. По словам начальника штаба ВМС Индонезии адмирала Б. Сондакха, насчитывается не менее 12 островов, могущих стать предметом территориальных конфликтов с Малайзией, Сингапуром, Индией, Вьетнамом, Филиппинами, Восточным Тимором, Палау и Австралией. Только на четырех из них проживают граждане Индонезии (33).

Выступая 16 сентября 2005 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, президент Юдхойоно заявил, что избрание новых членов Совета Безопасности должно основываться на критериях «адекватных реальностей». Он высказался за отмену права вето, которое зачастую «портит образ этой организации». Президент сказал, что говорит от имени не только 220 млн. индонезийцев, избрав-

ших его президентом в 2004 г., но и 4,6 млрд. жителей стран Азии и Африки, подписавших в 2005 г. Джакартскую декларацию о стратегическом партнерстве в ходе празднования 50-летия Конференции в Бандунге (34). И вновь напрашивается, пусть отдаленная, параллель с критикой Сукарно в адрес ООН в начале 1965 г.

Проблемы политического развития Индонезии не могут рассматриваться в отрыве от социальной атмосферы, в которой протекает это развитие. В середине 2005 г. беднейшие четыре миллиона семей потребляли продовольствия в количестве не более 1900 калорий на человека в день при доходе не более 480 тыс. рупий (менее 60 долл.) на семью в месяц. При минимальном размере семьи в 4-5 человек речь идет о примерно 18 миллионах. Шесть миллионов семей (27 млн. человек) потребляли до 2100 калорий в день на члена семьи при доходе 600 тыс. рупий (60-65 долл.) в месяц. Еще 15,5 млн. семей (до 70 млн. человек) имели 2100-2300 калорий в день при доходе 700 тыс. рупий (80-90 долл.) на семью в месяц (35). В общей сложности речь идет о 110-120 млн. человек, примерно половине населения страны. Добавим к этому, что, по данным Всемирного банка, в конце 2004 г. около 47% домашних хозяйств не имели электричества, только 14% обслуживались коммунальными системами водоснабжения, 1,3% населения имели доступ к канализационной сети, 4% к стационарному телефону (36). Приведенные цифры дают один из срезов индонезийского общества и заставляют задуматься, в частности, о том, в какой мере объективно назревшие и необходимые демократические преобразования субъективно востребованы полунницей и полуголодной массой, составляющей не менее половины населения и социально более расположенной к крайним формам радикализма, с одной стороны, и покорности, с другой. Президент С.Б.Юдхойоно пришел к власти, располагая весьма солидным потенциалом народного доверия. Но в современной Индонезии народное доверие капитал не слишком долговечный и требует постоянной подпитки улучшением повседневных условий существования большинства населения.

-
- 1) TRUST (Jakarta), 26.12.2005-01.01.2006, с.13; по другим данным число полностью безработных в 2005 г. достигло 11,5 млн. человек (Kompas, 11.05.1966)
  - 2) Kompas (Jakarta), 18.04.2005
  - 3) Straits Times (Singapore), 26.02.2005; Пульс планеты, 18.01.2006, с.АК-8, АК-9
  - 4) Tempo (Jakarta), N41, 11.12.2005, с.38-39
  - 5) TRUST, 03.09.- 10.2005, с.26
  - 6) Kompas, 24.10.2005
  - 7) Straits Times, 21.05.2005
  - 8) Tempo Interaktif, 07.02.2005
  - 9) Straits Times, 04.05.2005
  - 10) Tempo, N50, 12.02.2006, с.81; Kompas, 15.05.2006
  - 11) Tempo Interaktif, 13.04.2005; Kompas, 16.04.2005; Kompas, 19.05.2006
  - 12) Dr. Susilo Bambang Yudhoyono, President of the Republic of Indonesia. Transforming Indonesia. Selected International Speeches. Jakarta, 2005, с.418
  - 13) Tempo, N41, 11.12.2005, с.23
  - 14) Пульс планеты, 29.11.2005, АК8-9; Straits Times, 07.09.1005
  - 15) Tempo, N41, 11.12.2005, с.48
  - 16) Dr S.B.Yudhoyono, Transforming Indonesia, с.492
  - 17) Kompas, 25.04.2005; Media Indonesia On Line, 03.06.2005; Kompas, 05.06.2005
  - 18) Tempo, N50, 12.02.2006, с.37
  - 19) Kompas, 25.09.2005; 03.10.2005
  - 20) Jakarta Post, 20.08.2005
  - 21) Pikiran Rakyat (Bandung), 23.04.2005
  - 22) Press-Release: US State Department, 14.03.2005
  - 23) Straits Times, 15.12.2005

- 24) Media Indonesia On Line, 26.05.2005
- 25) Straits Times, 25.05.2005
- 26) Media Indonesia On Line, 03.06.2005
- 27) Pikiran Rakyat, 17.01.2005
- 28) Dr S.B.Yudhoyono, Transforming Indonesia..., с.421-422
- 29) Сукарно, Индонезия обвиняет. М., 1956, с.359
- 30) Dr S.B.Yudhoyono, Transforming Indonesia..., с.244
- 31) Военно-промышленный курьер, N36, 28.09.-14.10.2005; Пульс планеты, 14.11.2005, с.АК-2, АК-3; Kompas, 13.02.2006
- 32) Straits Times, 01.03.2005; Tempo Interaktif, 13.04.2005, 06.03.2005
- 33) Kompas, 09.09.2004
- 34) Berita Tanahair (M.), Edisi: 25/IX/II/05, с.1-2
- 35) Kompas, 17.09.2005
- 36) Пульс планеты, 05.10.2005, с.АК-